

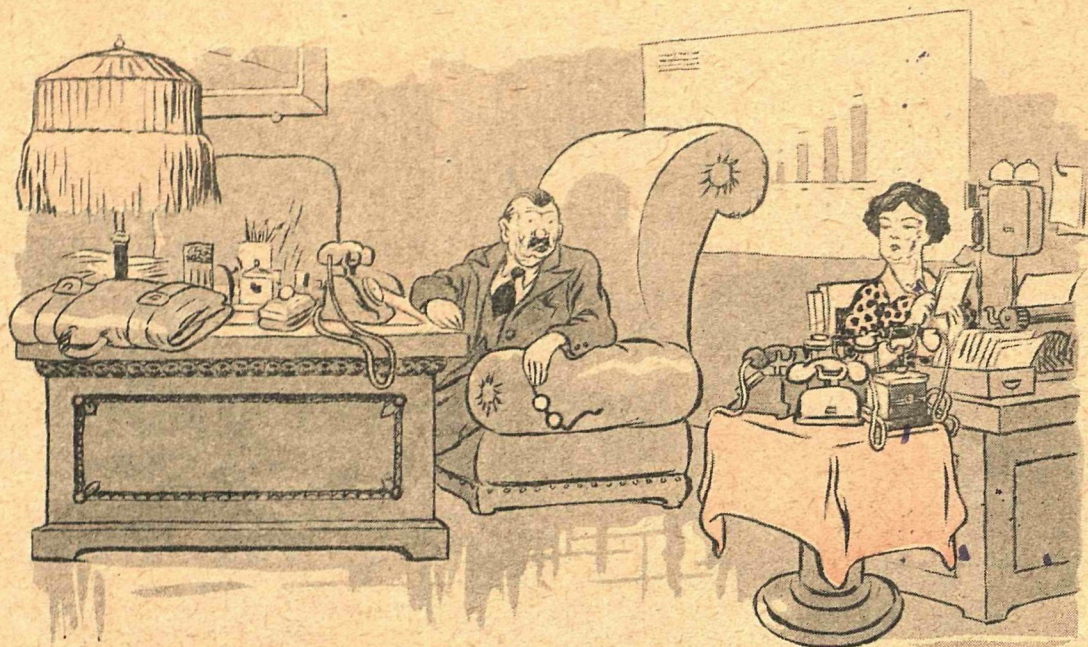
К Р О К О Д И Л

K 556 / 415

Рис. М. Черемных

Рис. В. Васильева

— Пошлите товарищу Пустякову срочную телеграмму: „Дорогой товарищ Пустяков зпт много писать не буду зпт потому что каждое слово обходится дорого тире двадцать пять копеек тчк Это накладно государственного кармана тчк Все указания посылаю спешным письмом тчк Молнируйте зпт пожалуйста зпт как проходит командировка тчк Привет жене тчк Лихорадов“.

Мчатся тучи, вьются тучи...

У последней
Точки,
На последней
Строчке
Собралась компания
Знаков препинания.

Прибежал чудак —
Восклицательный знак.
Никогда он не молчит,
Страшным голосом кричит:
— Ура!
— Долой!
— Караул!
— Разбой!

Появился кривоносый
Вопросительный знак.
Задаёт он всем вопросы:
— Кто?
— Кого?
— Откуда?
— Как?
Явились запятые,
Девочки завитые.
Живут они в диктовке,
На каждой остановке.

Прискакало
Двоеточие,
Прикатило
Многоточие,
И прочие,

И прочие,
И прочие.

Говорили запятые:
— Мы девицы занятые.

СЛУЖЕБНЫЙ ДЕНЬ

Рис. Б. Пророкова

— Эх, чорт, забыл дома „Графа Мон-текристо“! А сидеть ещё семь часов...

Не обходятся без нас
Ни диктовка, ни рассказ.

Из-за нас карают строго
Грамотеев молодых —
Тех, кто ставит слишком много
Или мало запятых.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна.

Ученик, стихи читая,
Должен помнить ты одно:
После тучи — запятая,
После неба — запятая,
Остальное — все равно!

Восклицательный знак
Возмутился:
— То есть как!
Вопросительный знак
Удивился:
— То есть как?

И сказала точка,
Точка-одиночка:
— Мной кончается рассказ.
Значит, я важнее вас!

С. МАРШАК

Запорожцы пишут письмо турецкому султану.

Если бы те же самые запорожцы случайно оказались на службе в Наркомземе СССР, который умудрился из 158 700 рублей годовых ассигнований на почтовые расходы за 4 месяца уже израсходовать 103 215 рублей, то их переписка с турецким султаном выглядела бы так, как изображено на этом рисунке.

Небольшая приемная перед кабинетом председателя городского исполнительного комитета Есауловой в городе Конске. Бывший дворянский особняк. За окнами — май. На сцене за двумя столиками — управляющий делами горсовета Передышкин и машинистка Шура.

I

(Быстро входит Персюков.)

Персюков. — Товарищи, произошло нечто совершенно исключительное!

Шура. — Между прочим, принято здороваться.

Персюков. — Прошу прощения. Здравствуй, Шурочка, здравствуй, душенька. (Нежно ее обнимает.) Девушка нечеловеческой красоты. Чтобы ее не полюбить с первого взгляда, надо иметь железные нервы. Передышкин, у тебя каменное сердце. Здравствуй, работяга.

Передышкин. — Здравствуй, бродяга.

Персюков. — Хозяйка дома?

Передышкин. — Дома, у нее совещание. Персюков. — Не имеет значения (берется за ручку двери).

Передышкин. — Но-но!

Персюков. — Милый человек, да ведь я же тебе объясню русским языком: у нас в городе произошло событие всесоюзного значения... Даже очень может быть — мирового. А ты меня не пускаешь.

Передышкин. — Подождешь.

Персюков. — Мирового. Понятно?

Передышкин. — Подождешь. Идет совещание по местному бюджету.

Персюков (прислушивается к шуму голосов за дверью, подмигивает на дверь). — Жуткое зрелище. Сидят три неустоимых труженика на шнуре коммунального хозяйства. Не так ли, Шурочка? (Присаживается на край стола и обнимает девушку.) И увязывают водопровод с городским транспортом и городской транспорт с канализацией, а тем временем против городского театра каждый божий день тонет от чотырех до пяти свинок. Верно, девочка?

Передышкин. — У тебя в парке культуры и отдыха тоже, знаешь, не Рио-де-Жанейро.

Персюков. — Моему парку полтора года. Он еще младенец. Подрастет — ахнешь.

Передышкин. — Да уж мы на всех ахали, ахали.

Персюков. — Ну пусти, дорогой. Ну, я тебя умоляю.

Передышкин. — Не сгорись.

Персюков. — Ладно, черствая твоя душа. (Подходит к двери и кричит в нее.) Ползите сюда, бабушка. На второй этаж по лестнице. Топайте смелее. Погодите, я вам сейчас пособию (уходит).

II

(Шура и Передышкин.)

Передышкин. — Ну, жук! Напрасно ты ему позволяешь лишнее.

Шура. — Что лишнее?

Передышкин. — Различные объятия и все такое. Неэстетично.

Шура. — Если он мне нравится.

Передышкин. — Нравится? Так я тебя должен предупредить как старший товарищ: он жулик.

Шура. — Как, жулик?

Передышкин. — Очень просто: жулик, авантюрист. Я в это не ввожу личных мотивов, но искренно советую тебе: брось Персюкова. Брось, погибнешь.

Шура. — Что я слышу, Передышкин! Да ты просто ревнуешь!

Передышкин. — Хотя бы. (Звонок. Передышкин срывается с места.) Виноват (уходит в кабинет Есауловой).

Шура. — Сам ты жук.

III

(Входят Персюков и старуха Сарыгина с узлом.)

Персюков. — Сюда, бабушка, сюда. Устали малость? Это ничего. Вот вам стульчик. Присядьте. Отдохните. Вот вам газетка. Почитайте. (Шуре.) Видала старушку? Так вот замечать себе: через эту старушку наш город прощумит на весь Советский Союз. А то, скорей всего, на весь мир. (Обнимает девушку.) Можешь не сомневаться. За это я тебе отвечаю. Эта старушка историческая. Именно то, что я искал всю жизнь.

Шура. — Между прочим, ты меня все время обнимаешь. Даже неудобно.

Персюков. — Чисто по-товарищески.

Шура. — Тогда это уж и вовсе ни к чему. Что-нибудь одно.

Персюков. — Понимаю. Конечно. Можешь не сомневаться. Наднях оформимся.

Шура. — Пожалуйста, Алеша. А то Передышкин мне дышать не дает.

Персюков. — Сказано — сделано. Как только провернем старушку, так сейчас же и оформимся.

IV

(Входят Есаулова, Ваткин, Неуходимов и Передышкин.)

Есаулова (Передышкину). — Дай-ка нам проектные наметки... (Хрипит.) Фу, даже голос сел... Устала... Дай-ка нам проектные наметки по строительству канализации, водопровода и трамвая. Ничего не поделаешь. Будем резать. (Персюкову.) Ну? Ко мне? Чего тебе от моей души надобно?

Персюков. — Товарищ Есаулова! Ух, братцы! Вы даже себе не можете представить, что произошло!

Передышкин. — Почему же это вы можете представить, а мы не можем?

Персюков. — Потому что у вас мало воображения.

Передышкин. — Зато у тебя чересчур много.

Есаулова. — Ну, ладно, ладно. Потом. Я очень занята. В чем дело? Только коротенько.

Персюков. — У нас нет своей физиономии.

Есаулова. — Чего, чего?

Персюков. — Только ты меня не перебивай. Лично у нас, может быть, физиономия и есть, но у нашего города абсолютно нет. Вполне серьезно. Ну, что мы из себя представляем? Как гениально выразился Чехов: «Один из городов, расположенных по сю сторону Уральского хребта». Вас это устраивает? Меня это не устраивает!

Есаулова. — И что ж из этого следует?

Персюков. — Только ты меня не перебивай. Рязань — яблоки. Орел — рысаки. Полтава — победа над шведами. Тула — пряники, винтовки. А Дев Толстой? А Ясная Поляна? Наконец, самовары, чорт их дер! Клин... Боже мой, ну уж, кажется, что такое Клин? Такая дыра, еще хуже нашего Конска! А вот, будьте любезны, Чайковский жил. Домик есть. В Вичуге Дуся Виноградова мировой рекорд поставила. В Одессе Буся Гольдштейн родился. А где Балзак венчался? Вы думаете, может быть, в Париже, в Лондоне, в Венеции? Ничего подобного. В Бердичеве. В Бердичеве. Вдумайтесь в это. А мы что? Ничего. Пустое место. От вокзала десять километров, поезд стоит пять минут, пассажиры смотрят в замурванное окно и видят на горизонте что-то такое. А что оно такое, — хрен его знает. Какой-то Конск. Вас это устраивает? Меня это абсолютно не устраивает!

Есаулова. — Ты что, пришел сюда скандалить?

Персюков. — Не перебивай.

Есаулова (вспыхив). — Это не я тебя перебиваю, а ты не даешь сказать мне ни одного слова, чорт бы тебя подрал с твоей глоткой! Дашь ты мне, наконец, говорить или не дашь?

Персюков. — Вот теперь дам, когда ты заговорила по-человечески. А то кричишь, кричишь, перебиваешь, перебиваешь...

Есаулова. — Так вот, дорогой мой. Ты совершенно прав. Я с тобой абсолютно согласна. Но что же делать, если у нас в городе никто из великих людей не родился, не венчался, не жил, не изобретал, не ставил мировых рекордов? Не могу же я тебе родить Бусю Гольдштейна или женить Онора де Балзака, а тем более дать квартиру Чайковскому. И кончим этот бесполезный спор. Я занята и устала. Нету у нас ничего этого. Нету.

Персюков. — А если бы было?

Есаулова. — Ну, если бы да кабы...

Персюков. — Ну все-таки. Что бы ты тогда делала?

Есаулова. — Была бы очень рада. (Берет папки.) Нуте-с, товарищи, вернемся к водопроводу.

Персюков.—И ты это можешь подтвердить перед своими избирателями?

Есаулова.—Что подтвердить?

Персюков.—То, что ты была бы тогда очень рада!

Есаулова.—Ты видишь: я занята. Ты сегодня какой-то, честное слово, невменяемый.

Персюков.—Нет, вмменяемый. Говори прямо: можешь ты это подтвердить или не можешь?

Есаулова.—Подтверждаю. Была бы очень рада.

Персюков.—Товарищи, будьте свидетелями. И ты, Шурочка, будь свидетелем. Она сказала, что была бы тогда очень рада.

Есаулова.—Была бы очень рада, но, к сожалению, у нас ничего этого нет.

Персюков.—Есть.

Есаулова.—Что есть?

Персюков.—Великий человек, который жил в нашем городе.

Есаулова.—Не может быть!

Персюков.—Не может быть? (Сарыгиной.) Бабушка, прошу вас. Подойдите, не робейте.

Есаулова.—Кто это?

Персюков.—Внучка.

Есаулова.—Ты что, пьян?

Персюков.—Терпение. (Сарыгиной.) Дайте сюда узелок. Кладите его на стол. Осторожненько. Вот так. Одну минуточку. (Сарыгина и Персюков бережно развязывают узел.)

Есаулова.—Что это?

Персюков.—Реликвии. (Сарыгиной.) Объясните, бабушка.

Сарыгина (вынимает из узла плед).—Это плед моего покойного дедушки Ивана Николаевича.

Персюков.—Видите: это плед.

Сарыгина.—Во время своего кратковременного пребывания в городе Конске, по свидетельству моей покойной матушки Ларисы Константиновны, урожденной Извозчиковой, выходя из дому в сырую или же холодную погоду и желая таким образом предохранить себя от возможной простуды, мой покойный дедушка имел обыкновение набрасывать на плечи этот плед.

Персюков.—Этот самый плед. Не трогайте руками!

Есаулова.—Позвольте... Я что-то ничего не соображаю.

Персюков.—Давайте, бабушка, давайте.

Сарыгина (вынимает флейту).—Это его же флейта.

Персюков.—Видите: флейта.

Сарыгина.—По свидетельству моей покойной матушки Ларисы Константиновны, урожденной Извозчиковой, и многих других лиц, близко знавших моего покойного деда, последний, обладая большим музыкальным вкусом, иногда в минуты отдыха исполнял на этой флейте различные небольшие музыкальные пьесы.

Персюков.—На этой самой флейте. Подлинная вещь.

Есаулова.—Да, но я все-таки...

Персюков.—Только не перебивай.

Сарыгина (вынимает цилиндр).—Это цилиндр, который покойник на всякий случай всегда брал с собой в дорогу и возил в специальной круглой коробке. Однако, будучи демократом и яростным противником крепостного права, покойный Иван Николаевич избегал надевать этот цилиндр. Подлинный экземпляр цилиндра, к сожалению, утрачен, а этот дубликат приобретен значительно позже моим дядей, уже с отцовской стороны, Аполлоном Васильевичем Сарыгиным и сохраняется в семейном архиве среди прочих вещей покойного деда, как то: перчаток, визитных карточек и так далее. Между прочим, об этом цилиндре сохранился любопытный анекдот, ярко характеризующий нравы и обычаи той отдаленной эпохи. (Неожиданно довольно визгливо хихикает.) Во время кратковременного пребывания своего в городе Конске покойный Иван Николаевич занимал скромную комнатку в доме моего дедушки Константина Сидоровича Извозчикова, мужа младшей сестры покойного, Людмилы Николаевны, моей бабки уже с материнской стороны. Домик этот сохранился и по сей час. Моей матушке тогда как раз шел пятый год, и она была очень шаловливым ребенком. Однажды, воспользовавшись отсутствием покойного Ивана Николаевича, моя матушка похитила из заветной коробки цилиндр, по-

садила в него маленьких котят... (Хихикает.) Маленьких котят и стала возить их в цилиндре по всем комнатам. Легко представить изумление моего покойного дедушки, когда он, вернувшись домой с прогулки, вдруг видит в своем цилиндре... (Хихикает.) Вдруг видит в своем цилиндре—кого же? О, ужас! Маленьких котят (хихикает, вытирает слезы).

Есаулова.—Каких котят? В чем дело?

Сарыгина.—Маленьких котят... Вот таких малюсеньких котят... (хихикает до слез).

Есаулова.—Товарищи, вам что-нибудь понятно?

(Все стараются заглянуть в цилиндр, как бы надеясь увидеть в нем котят.)

Сарыгина (вынимая большой деревянный циркуль).—А это циркуль. Вещь подлинная. С помощью этого циркуля покойный Иван Николаевич в часы досуга чертил различные, иногда довольно сложные геометрические фигуры.

Есаулова.—Но кто? Кто?

Сарыгина.—Мой покойный дедушка, Иван Николаевич.

Есаулова.—Я слышу, что покойный дедушка. Слава богу, не глухая. Да кто это покойный дедушка? Кто?

Персюков.—Лобачевский.

Есаулова.—Как?

Персюков.—Лобачевский.

Есаулова.—Какой Лобачевский? Тот самый?

Персюков.—Тот самый.

Передышкин.—Что это за Лобачевский?

Есаулова.—Передышкин, Передышкин! Хотя бы ты людей постеснялся. Это же каждый советский школьник знает. Великий русский математик Лобачевский.

Персюков.—Он самый.

Есаулова.—У нас в Конске? Невозможно!

Персюков.—Представьте себе.

Есаулова.—Ты шутишь!

Персюков.—А что ж такого? Служил человек в Казани. Приезжал погостить к родственникам в Конск. Очень обыкновенно. Жил в маленьком домике. Домик сохранился. Внучка налицо.

Есаулова.—Боже мой! Значит вы родная внучка Лобачевского?

Сарыгина.—Родная внучка, родная внучка.

Есаулова.—Голубушка! Позвольте же вас приветствовать от имени Конского горсовета. Вот уж никак не предполагала, что у нас в Конске живет внучка Лобачевского!

Сарыгина.—Живет, живет, как же.

Персюков.—Имей в виду: это я все сделал. Я открыл внучку. И, главное, с каких пустяков началось! Прямо невероятно, живем на одной улице. Так—ее домик, а так—наш. Только я ничего и не подозревал. Вдруг в один прекрасный день у нее в домике начинает протекать крыша. Верно, бабушка? Протекала крыша?

Сарыгина.—Верно, батюшка, верно. Протекала.

Персюков.—Конечно, она туда-сюда, в отдел коммунального хозяйства и прочее, понятно, нигде ничего не добила, а, наконец, кинулась ко мне по соседству как к ответственному товарищу. Ну, тут все и выяснилось. Верно, бабушка?

Сарыгина.—Верно, верно. Владение разрушается. С крыши течет в комнаты, а от постоянного действия дождевой воды окончательно гибнут вещи покойного Ивана Николаевича. Гибнет превосходный турецкий диван, на котором имел обыкновение отдыхать покойник, гибнет библиотека, прохудился забор, и мальчишки лазают в палисадник и беззастенчиво ломают персидскую сирень.

Есаулова.—Какое безобразие!

Персюков.—Мало сказать, безобразие! На глазах у городского совета разваливается дом Лобачевского, и никто палец о палец. Беспримерное головоунытие. Государственное преступление.

Есаулова.—Хорошо, что мы вовремя хватились.

Персюков.—Вы хватились! Это я хватился. Не я—имели бы вы все красивый вид.

Есаулова.—Спасибо, Персюков. Ты молодец. Однако, товарищи, надо что-то делать.

Прежде всего, я думаю, надо поставить в известность область и запросить Москву.

Персюков.—Ни в коем случае! Ты с ума сошла! Не дай бог, дойдет до Казани, что их Лобачевский жил у нас в домике,—и конечно. Такой шум поднимут, такую демагогию разведут, что не обрадуешься. Глазом не моргнешь, как они все себе захватят: и домик и Лобачевского, да еще юбилей сделают. А нам шип. Я их хорошо знаю. Их, брат, надо поставить перед совершившимся фактом. А то они все себе отхватят.

Есаулова.—Что все?

Персюков.—Абсолютно все. Но ты не беспокойся. Я уже кое-что предпринял.

Есаулова (не без тревоги).—Что ты уже предпринял?

Персюков.—Да так, всякие необходимые мелочи. Между прочим, заказал временную мемориальную доску: «Здесь жил и работал великий русский математик Лобачевский». Правильно поступил?

Есаулова.—Правильно. (Мечтательно.) Мемориальная доска на доме великого человека—это просто, но благородно.

Персюков.—Пока что гипсовая. Стоит пустяки. Тридцать восемь рублей с копейками. Я их пока провел по смете парка культуры и отдыха, а когда горсовет утвердит специальную смету по домику Лобачевского, тогда рассчитаемся.

Есаулова (тревожно).—Ты думаешь, необходима специальная смета?

Персюков.—Обязательно. А как же без сметы? Крышу и забор починить нужно? Нужно. Участок привести в приличный вид нужно? Нужно. Ну и всякие другие мелочи: письменные принадлежности, марки, телеграммы. Может быть, придется установить перед домиком небольшой бюст.

Есаулова (мечтательно).—Да, бюст—это было бы очень хорошо.

Персюков.—Правда? Я очень рад, что ты меня поддерживаешь в вопросе бюста.

Есаулова.—А не будет дорого?

Персюков.—Пустяки. Вся смета по домику выйдет не больше чем рублей в пять—шесть тысяч. Самое большее семь тысяч, это уже вместе с бюстом. Во всяком случае, не больше восьми.

Есаулова.—Восемь тысяч! Однако деньги порядочные. Может быть, обойдемся без бюста?

Персюков.—Ай-ай-ай! Берешь свои слова обратно? Жалеешь на бюст такого человека! Нехорошо. Непринципиально.

Есаулова.—Я не против. Да дело в том, что денег у нас нету. Запились. На вторую очередь водопровода не хватает.

Персюков.—И ты сравниваешь Лобачевского со второй очередью водопровода? Я от тебя этого не ожидал. Такие слова! Скажи спасибо, что внучка не слышит (показывает глазами на старуху Сарыгину, которая спит на стуле в уголке).

V

(Входит возбужденный Самохин.)

Самохин.—Товарищ Есаулова, это—феерическое безобразие. Горсовет открывает музей Лобачевского, об этом кричит весь Советский Союз, а местную прессу никто не информирует, и мы узнаем последними.

Есаулова.—Что ты, что ты!

Самохин.—Сегодня же я со всей категоричностью ставлю перед районным комитетом партии вопрос об освобождении меня от должности ответственного редактора газеты «Конская заря». Довольно из меня Ваньку строить!

Есаулова.—Какой музей? Какой Советский Союз? Потри себе уши, приди в себя. Ничего этого нет. Мы сами только что узнали, что имеется домик, в котором жил Лобачевский.

Самохин.—Только что узнали... Да что ты мне врешь в глаза?

Есаулова.—Но-но, Самохин, полегче.

Самохин.—Сделала по отношению к местной прессе хамство, а теперь замазывать? Не выйдет.

Есаулова.—Уверю тебя.

Самохин (грозно).—Не выйдет! (Протягивает бумагу.) Что это такое?

Есаулова.—А что?

Самохин.—Телеграфная сводка ТАСС. Три воскрески.

Персюков.—Ну? Что ты говоришь? Дай! Дай скорей! (Вырывает сводку.) Где? (Читает.)

«Конск. 15 мая. В сентябре этого года исполняется ровно сто лет со времени пребывания в Конске великого русского математика Лобачевского, создателя новой геометрии, основанной, между прочим, на том, что сумма углов треугольника есть переменная величина, но всегда меньше двух прямых углов». Понятно тебе, Передышкин?

Передышкин.— А чего ж тут непонятного? Понятно.

Персюков.— Я так и думал. (Читает дальше.) «В ознаменование исторической даты Конский горсовет решил превратить домик, в котором жил гениальный математик, в Домик-музей имени Лобачевского...»

Есаулова.— Позволь!

Персюков.— Только не перебивай. (Продолжает читать.) «... Прикрепить к фасаду мемориальную доску и установить перед домиком бюст Лобачевского...»

Есаулова.— Мы еще не решили.

Персюков.— Тут написано. Значит, надо делать бюст, а то неловко. (Продолжает читать.) «Колхозники, рабочие и советская интеллигенция собираются отметить знаменательную дату новыми производственными победами и всеобщим трудовым подъемом. ТАСС». Ну? Что вы на это скажете? Товарищи, вы понимаете, что произошло? Первый раз за все время существования про город Конск напечатано во всех газетах, как местных, так и центральных, и даже, может быть, заграничных! Попрошу встать. «Конск, 15 мая, ТАСС».

Самохин (хрипло).— Кто это сделал?

Персюков.— Кто сделал, кто сделал! Понятно, я сделал. Я еще вчера утром телеграфировал. По смете парка культуры и отдыха. Потом сочтемся. Мне скажите спасибо. А то бы дошло до Казани — и кончено! А теперь факт налицо: «Конск, 15 мая, ТАСС». Лобачевский наш.

Есаулова.— Ох, Персюков, что-то ты меня начинаешь беспокоить.

Персюков.— В порядке, в порядке. Положись на меня. Все будет как у людей. За это я тебе отвечаю.

Есаулова.— Смотри, Персюков, чтобы не получилось, как в прошлом году, когда ты установил у себя в парке культуры и отдыха какую-то идиотскую машину для автоматической прививки пуговиц гуляющим.

Персюков.— А что, плохое было изобретение?

Есаулова.— Великолепное. Прививало пуговицы прямо к коже человека. Ты помнишь: гуляющие тебя чуть не убили.

Персюков.— Это не важно. Машина была отличная. Только ее плохо смонтировали.

Самохин.— Все-таки это — феерическое безобразие.

Персюков.— Что безобразие?

Самохин.— Да с этим домиком. Ты сорвал работу нашей газеты.

Персюков.— Милый человек, что ты говоришь! Для газеты настоящая работа только начинается. Сейчас мы пойдем — я тебя поведу, покажу домик Лобачевского. Там как раз, наверное, принесли мемориальную доску. Крышу будут починять. Материала для газеты пропасть. (Сарыгиной, которая продолжает спать.) Бабушка! Бабушка!

Сарыгина (с испугом).— А? Что такое? Батюшки!

Персюков.— Самохин, иди сюда, познакомься с внучкой.

Самохин.— Ответственный редактор «Конской зари».

Персюков.— Она тебе может рассказать массу интересного из жизни Лобачевского. Топищи внучка, расскажите ему случай про косят. Сейчас мы пойдем, она тебе по дороге расскажет про котят. Готовая статья. Пойдем, бабушка. Все сделано. Крышу починят, забор поправят, можете не волноваться.

Сарыгина.— Спасибо вам. Добрый вы человек. Спасибо.

Персюков.— Это вам спасибо, бабушка.

Сарыгина.— До свиданья.

Есаулова.— До свиданья, Софья Матвеевна. Очень, очень рада была с вами познакомиться.

Сарыгина.— И я тоже. Спасибо. Извините старуху.

Есаулова.— Напротив. Это вы нас извините.

Персюков.— До свиданья, Шурочка. До скорого.

Шура (шопотом).— До скорого.

Персюков.— Вперед, орлы! (Сарыгина, Персюков и Самохин уходят.)

VI

(Без них.)

Есаулова (Ваткину).— Слушай, Ваткин, мы никак не можем выкроить из местного бюджета тысяч семь — восемь на домик Лобачевского?

Ваткин.— Откуда же?

Есаулова.— В том-то и дело, что «откуда»? Думай. И ты, Неуходимов, не делай вид, будто это тебя не касается. Думай.

Неуходимов.— Я думаю.

Есаулова.— Это всех нас касается. Всего города. Это имеет громадное политическое значение.

Ваткин.— Ну? Может быть, в таком случае тысячи четыре мыотрежем от второй очереди канализации, тысячи две с половиной перенесем из третьего квартала во второй, по культмассовому сектору, а те тысяча четыреста рублей, которые до сих пор висят на счету у Гортопа... У Гортопа...

Есаулова.— Думай, думай. Напрягись.

Ваткин.— Я напрягаюсь.

VII

(Входит девушка-почтальон.)

Девушка.— Доброго здравья. Примите две телеграммочки. Распишитесь туточки и вот туточки. До свиданья (Шура расписывается. Девушка уходит).

Шура.— Пожалуйста, Ольга Федоровна (дает Есауловой телеграммы).

Есаулова (читает первую).— «Поименованные статуи и скульптурные украшения как-то Диана колчаном пограничник собакой девушка веслом Фарнезийский Геракл палицей шкуркой немецкого льва натуральную величину также восемнадцать этрусских ваз Пифагор Архимед Эвклид Шолохов Фадеев...» Это, наверное, не нам... «Персей убивающий медузу общим количеством четыре вагона отправлены почтовым 52 бис накладная 76895 Капитолийский лев Афина борьба с Титанами...»

Передышкин.— С «Титанами»? С кипятильниками, что ли?

Есаулова.— Какие там кипятильники?

Передышкин.— «Титаны». Стало быть, кипятильники. Это, наверное, не нам, а в мезиловый комбинат.

Есаулова.— Темный человек. «Дорические колонны находятся в производстве вышлем немедленно срочно переведите пятьдесят Огурцович». Чего пятьдесят? Кому пятьдесят? Кто это Огурцович? Обязательно они у себя на телеграфе напутают. Отослите обратно.

Шура (кричит в окно).— Девочка, девочка! Ушла уже.

Есаулова (читает другую телеграмму).— «Благодарим любезное приглашение присутствовать торжественном открытии домика Лобачевского. Выделена делегация которой поручено выехать Конск на сентябрьские торжества...» Ой, ой, ой! Это Персюков наделал...

Передышкин.— Он, он. Его работа. И кипятильники — его работа. «Титаны» эти самые.

Есаулова (читает дальше).— «Обеспечьте транспорт питания жилище для приема выдающихся ученых академиков профессуры аспирантуры и научных сотрудников Академии общим количеством тридцать два человека». (В отчаянии.) На какие средства?!

Ваткин.— Будем даже считать по сто рублей с носа. И то — три тысячи двести.

Есаулова.— Президент Академии наук Комаров, вице-президент Шмидт. Мы пропали. Академиков мы не поднимем. Боже мой!.. Что ж это делается?

Передышкин.— Это Персюков.

Есаулова.— Ну, Персюков! Ну, спасибо тебе, Персюков. Большое спасибо!

Передышкин.— Я предупреждал, что Персюков нас всех когда-нибудь погубит. Таких людей, как Персюков, надо давить.

Шура.— Ты не смеешь так говорить про Персюкова!

Передышкин.— Давить! Давить вкорме!

Есаулова.— Тридцать два академика в Конске. Боже мой! Это что-то... Это что-то такое...

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ПОЛУЧИЛИ НА С.-Х. ВЫСТАВКЕ:

Рис. Б. Пророкова

Дедна за репку.

Бабна за наседну.

А внучка за Жучку.

Французская бульварная пресса распространила слух, что Торец якобы находится в Германии.

— А я вам говорю, что Торец в Германии!
— Простите, вы ошиблись: это генерал Жиро в Германии, а Торец во Франции.

Короткие рассказы

О ПОЛЕЗНОМ ПРИМЕНЕНИИ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ

Один гражданин был очень нерешителен: сделает что-нибудь, и сейчас же ему начинает казаться, что следовало сделать не так. Переделает — и опять недоволен. И не мог гражданин ни с одним делом покончить: все только делает и переделывает. Сколько ему начальство ни указывало, что он и аппарат свой совсем задержал и дела привел в состояние полной неразберихи, ничто не помогало.

— Я, — говорит, — не бюрократ какой-нибудь.

Если я осознал, что можно сделать лучше, обязательно переделаю.

Пробовали переводить гражданина на самые разные должности — только зря: всюду гражданин делает и переделывает. А совсем уволить жалко, потому что очень добросовестный работник, всю душу вкладывает в работу.

Так и мотался гражданин с одной работы на другую, пока не прослышали о нем в Мос-
трамвайтресте, где он очень пригодился для планирования трамвайных остановок.

Мих. МАРТЫНОВ

ПЛАН

После окончания вуза они собрались у своего приятеля Анатолия. В комнату вошел дядя Анатолия, старый инженер.

— Ну, — сказал дядя, — не хочет ли кто со мной на изыскания?

Приятель переглянулись. Дядя сказал:

— Что же вы молчите? Какие же у вас планы?

— У нас у всех один план, — сказал Анатолий.

— У всех один план?

— Один. Вот он.

Это был план города Москвы.

В. ТОБОЛЯКОВ

ДАВАЙТЕ

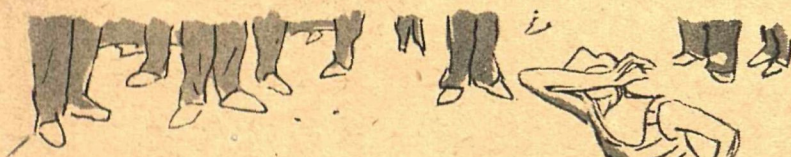
Рис. Л. Сойфертиса

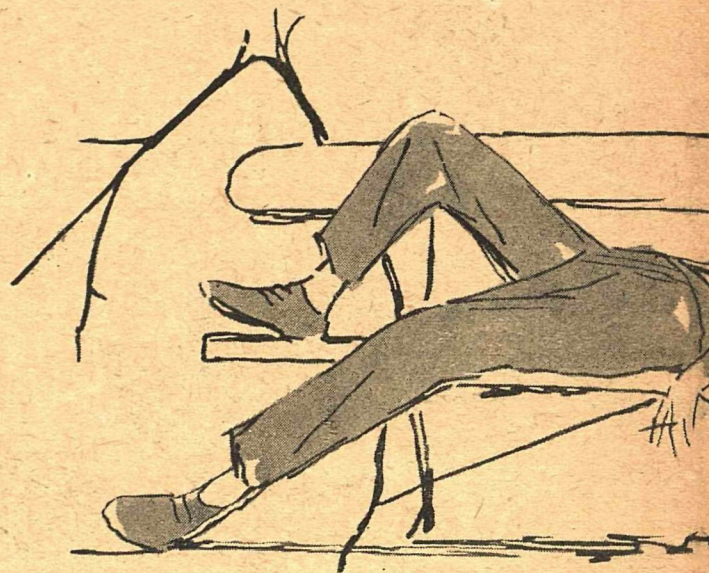
— Да разве я не могу за свои два месяца исправительных работ по месту службы заехать ему как следует?..

— Дядя милиционер, дай я тебя провожу. В этом переулке со мной тебя никто не тронет.

— Что тут?
— Хулиганы борются с прохожим
— А остальные чего же ждут?
— Исхода борьбы.

— У меня было
— А сидел сколько?
— Ровно час: по

Упавш

ЕГО звали Васькой. Человека так не называют. Кота называют Ваской. А человека — Васи́лем, Васей, Васенькой. Когда человека презрительно величают или о нем говорят: Васька, Петька, Колька, Манька, Катька.

Это не имена, а клички. А у Васьки была еще одна кличка — Корень. Так он был и известен по всей Заречной улице — Васька Корень. У него была фамилия, хорошая, человеческая фамилия — Коренев. Но это было Ваське не к лицу.

Только в суде и в милиции его называли настоящим именем и подлинной фамилией. А «в миру» он щеголял кличкой.

И еще чудом Васька щеголял. Такого чуда не было во всей Заречной. Клок давно не чесаных и не мытых волос ухарски свисал со лба и закрывал правый глаз.

Взглянешь на его лицо и сразу убеждаешься — нет, это не интеллект. Тупое, шершавое лицо, точно небрежно обтесанный камень. Глаза пасмурные, сонные.

Он когда-то где-то работал. Но его выгнали за пьянство и дебоши. Он кормился и поился (главным образом, поился) на окраинных толкучках и барахолках, где покупал и продавал какие-то подозрительные часы и ручки-самописки темного происхождения.

Постовые милиционеры были хорошо знакомы с этой мрачной «звездой» Заречной улицы. Они привыкли к Ваське, а его поведения считали неизбежным злом. «Ну что с таким поделаешь?»

Но иногда, когда Васька особенно нарушал «регламент», на него составляли протокол.

Протокол шел в суд. Затем в суд шел неунывающий Васька. А неунывающий Васька шел из суда, сопровождаемый двумя-тремя своими поклонниками, начинающими, но подающими надежды хулиганами...

Сегодня опять пригласили Ваську Корня в судебную камеру 3-го участка. Дело плохое, гроша медного не стоит: кого-то он там толкнул подмыкитки, кого-то смазал по башке. Дело плевое!

— Я на такое дело мало внимания обращаю, — говорил Васька по дороге в суд сопровождавшему его Лешке Гвоздю.

Лешка Гвоздь

— Что мне м Васька. — Ни финое порицание прдадут что-нибудь надо только в т да сужусь. Мени очках, близорукий це встречу, здоро

За приятным ром друзья и не зданию, занимаемо

Зашли в зал с удивленно сказал

— Ишь ты! Н ли, а какой фасон ны победили. Ме этого не могу. А сегодня бледная.

— Это кто так

— Секретарша. когда меня судя Здорово пишет! «обвиняемый был складно получает

В зале стало появились судья, Но что такое? верил. Не было судья. Да еще ж

Васька толкнул — Баба, оказыва ло. Сейчас она у смотришь, какая

Лешка авансом сразу замолк.

— Подсудимый нев, — сказала су

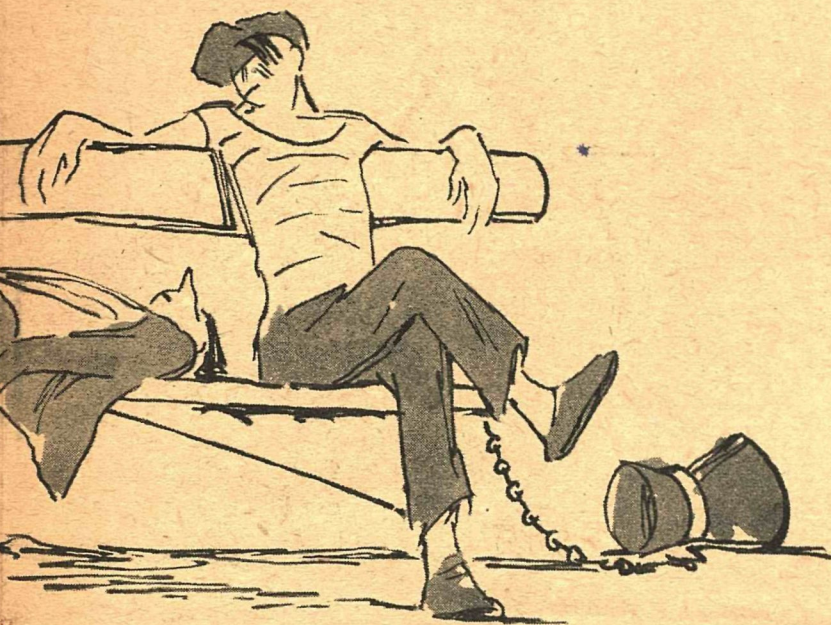
Васька ухмыль заложив руки в к столу своей з

— Подсудимый перед судом. Про Выньте руки из

Этого Васька н

От неожиданности выдернул руки из

НЕ БУДЕМ

шесть приводов.
но?
десять минут за привод.

ая звезда

еще ни разу не был в суде.
огут сделать? — продолжал
а не сделают. Обществен-
очитают. В крайнем случае
условное. Судиться, Лешка,
етьем участке. Я тут всег-
уж тут знают. Судья в
такой. Я его как на ули-
вкаюсь.

и правоучительным разгово-
заметили, как подошли к
ому судом.

судебного заседания. Васька
своему приятелю:

е был я тут две неде-
за это время навели. Сте-
бель переставили... Терпеть
вот и Клава. Что-то она
ая?

Она уж тут давно. Всегда,
т, Клава пишет протокол.
Принимая во внимание, что
в нетрезвом виде...» Очень
ся.

тихо. За судейским столом
два заседателя и секретарь.
Васька глазам своим не
того судьи в очках. Новый
енщина. Вот те на!

в бок Лешку:

ается. Ну, это — плевое де-
меня будет бледная. По-
медия получится.

хихикнул. Но испугался и

Василий Игнатьевич Коре-
дья, — здесь? Подойдите к
нул, нехотя поднялся и,
карманы брюк, подплыл
знаменитой походкой враз-

Коренев! Вы находитесь
шу держать себя прилично.
карманов.

и разу не слышал в суде.
он вздрогнул и послушно
карманов, но не знал, куда

их детей, и они смешно повисли, как у чу-
чела. Кто-то в публике рассмеялся. Васька
еще более смутился.

— Подсудимый Коренев, где вы работаете?

— Это к делу не касается.

— Я сама знаю, что касается и что не ка-
сается. Отвечайте суду: где вы работаете?

— Так... Нигде...

— Чем-нибудь больны?

— Нет... Здоров.

— Не может быть. У нас все здоровые
люди работают. Может, у вас есть какая-ни-
будь болезнь, которую вы скрываете?

Судья говорила спокойно. В ее голосе
не было ни иронии, ни насмешки. Это еще
более озадачило подсудимого. Он мельком
покопался на публику и сразу отвернулся. И
публика сегодня какая-то другая. Он почув-
ствовал себя одиноким. Он почувствовал, что
вся его уличная спесь и лихое молодечество
падают с него, как плохо пришитые пугови-
цы. И он впервые за последние годы оробел.

— А на какие средства вы живете, подсу-
димый Коренев? А? У вас старушка-мать,
она вас кормит? Она вам и на водку дает?
А? Можете не отвечать суду на эти вопро-
сы. И так ясно. Теперь объясните: почему вы
избили гражданина Семечкина?

— Не помню. Я был сильно выпивши. Без
памяти...

Эту фразу Васька всегда говорил на суде.
И всякий раз она его спасала.

— Вы были без памяти? А кто вас просил
так напиваться? И почему, если вы были без
памяти, вы причиняли увечья не себе, а дру-
гим?

— Я человек темный, неграмотный.

— Это — не оправдание. Почему не учи-
тесь? Стыдно. Мне стыдно за вас. Всем си-
дящим здесь стыдно смотреть на вас. Посмо-
трите на себя в зеркало. Немытый, нечеса-
ный, глаза осоловелые, рубаха грязная.

И Васьки не стало. То, что осталось от
Васьки Корня, стояло перед судом, моргало
глазами и что-то бессвязно лепетало.

Суд удалился на совещание. Васька мель-
ком взглянул на то место, где он оставил
Лешку: оно было пусто.

Ваську засудили. Упала и погасла темная
«звезда» Заречной улицы.

Г. РЫКЛИН

— Вы задержаны как много лет уклоняющийся от али-
ментов.
— Позвольте! Ведь уклоняется мой папа. Это его фото-
графия. А я вылитый отцовский портрет.

Дома он хулиганил...

... а на суде он чувствовал себя как дома.

Рис. В. Горьева

— Доктор, вы же меня не выслушали!
— Как? Я внимательно выслушал все ответы на пятьдесят два анкетных вопроса.

Жертва бухгалтерии

(Трагедия в 5 действиях с прологом и эпилогом)

ПРОЛОГ

Главный бухгалтер объединения связался по внутреннему телефону с начальником объединения.

— Иван Герасимович, — почтительно говорил он, держа правую руку шитком у трубки, — вы тут премировали техника Горбункова.

— Да, да, да, — нетерпеливо перебил начальник, — надо выдать тысячу рублей. Человек, понимаете ли, за две недели сделал работу, на которую, по нормам, полагается чуть не полгода.

— Все это так, Иван Герасимович, но только по этой графе у нас средства исчерпаны. Если бы подождать до первого числа: начнется новый квартал, и тогда мы...

— Ты, понимаешь ли, формальностями нас не души. Выдели человеку тысячу рублей под каким хочешь соусом, а там после первого оформишь как премию.

— Слушаюсь. Сейчас выдадим просто под отчет...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Между прологом и первым действием прошло два года.

Техник Горбунков вошел в ту самую комнату бухгалтерии, в которой происходил пролог нашей трагедии.

— Здравствуйте, Тамара Павловна, — сказал Горбунков, — вот пришел к вам расчет брать. Ухожу из нашего объединения...

— Куда же вы?

— Надумал ближе к производству. Так что уж давайте расчет.

Акуратная Тамара Павловна ответила:

— Расчет у меня готов. С вас причитается 643 рубля 17 копеек.

— Что-о?! Как так — с меня?..

— А очень просто. Два года тому назад — брали вы у нас подотчет. Вот и удерживаем.

— Позвольте, какой такой подотчет? Подотчет... подотчет... Да ведь это был не подотчет! — не своим голосом заорал Горбунков. — Это была премия!

— У меня значит подотчет.

Горбунков, опрокинув на своем пути два стула и чернильницу, ринулся к главному бухгалтеру.

— Тамара Павловна, — несколько смущенным голосом сказал главный бухгалтер, — не надо удерживать эту тысячу рублей с товарища Горбункова.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Между первым и вторым действиями прошло полтора года.

Объединение переехало в другой дом, на другую улицу. И в новом доме была бухгалтерия, занимавшая большую комнату. В эту бухгалтерию явился Горбунков. Потрясая повесткой, он спросил сотрудников:

— Где у вас здесь главный бухгалтер? Где товарищ Балясников?

— А Балясникова у нас никакого нету...

— Как нету? А кто же у вас главный бухгалтер?

— Товарищ Гордиенко. Заместителем у него Саламатный.

— Тогда скажите мне, где Тамара Павловна?

— Тамара Семеновна, вы хотите сказать? Это в отделе снабжения, а в бухгалтерии ни одной Тамары на сегодняшний день нету.

— С кем же мне разговаривать?

— По какому вопросу? Ах, эта повестка... Так что ж тут разговаривать? Взяли государственные деньги, значит, надо вернуть.

— Поймите же, это был не подотчет, это была премия!

— Товарищ, премия есть премия, и никто никому премию подотчет не платит.

— Да поймите же вы...

Горбунков огляделся. Сорок сотрудников сидело в бухгалтерии. По их лицам было видно, что никто его не понимает и понять не может.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Между вторым и третьим действиями проходит двадцать минут.

Начальник объединения стукнул ладонями по столу и одновременно с этим поднялся. Известно уже, что подобного рода жесты, мимика, телодвижения означают, что ответственный товарищ желает дать понять своему собеседнику, что аудиенция окончена. Так было и на этот раз.

— Хорошо. Посмотрим, — сказал начальник Горбункову. — Если, как вы говорите, эти деньги были вам выданы в премию, мы постараемся установить это...

— Большое спасибо, товарищ начальник... Тем более — за что?! Обидно же!

— Считаю, мы договорились.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Между третьим и четвертым действиями проходит год.

Бухгалтерия объединения переехала в новую большую комнату в новом доме. Сотрудники опять все переменялись. И Горбунков, слегка заикаясь на почве нервного тика, сотрясающего его голову и правое плечо, жалобным голосом говорит речь перед пятьюдесятью сотрудниками, которых он видит первый раз в жизни.

— ...И вот я спрашиваю, товарищи: за что?! За что я получаю уже десятую повестку об уплате денег, которые принадлежат мне и только мне?!

В ответ тягостное молчание и потом слышен громкий театральный шопот худого помбуха с неслышанно низким басом:

— Я же вам говорил: если посетитель припадочный, то лучше с ним в разговоры не вступать...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Между четвертым и пятым действиями проходит месяц.

— Ответчик Горбунков, что вы можете сказать? — спрашивает народный судья.

Горбунков, нервный, худой, дергающийся от тика, начал заученным тоном:

— Премировав меня в 1935 году одной тысячу рублей, руководство объединения...

Юриконсульт объединения саркастически перебил:

— Это и вор возьмет себе вещь, а потом скажет, что его премировали этой вещью.

Народный судья поднял руку и укоризненно поглядел на юриконсульта.

— Давайте к порядку, товарищ истец. Суд вас слушает, гражданин Горбунков...

ЭПИЛОГ

Между пятым действием и эпилогом проходит не очень много времени.

Эпилог развивается в кабинете начальника строительства, на котором в данное время работает Горбунков.

— Ну, что ж, могу сказать только одно, товарищ Горбунков, — ласково говорит начальник строительства, — вашей работой мы очень довольны и постановили вас премировать...

— Что?! Премировать?! Ну, знаете, я не позволю над собой издеваться!! Я на вас...

Горбунков кинулся на стол начальника. Начальник спрятался за шкафом. А когда вбежавшие сотрудники пытались разжать стиснутые зубы Горбункова и влить ему немного воды, начальник, не выходя из-за шкафа, взволнованно говорил своему заму:

— Надо будет проверить весь наш штат. Может, у нас еще есть какие-нибудь сумасшедшие... Ведь этот Горбунков работает как следует, общественник хороший, скромный человек, и вдруг — нате вам!..

В. АРДОВ

„Они были очень серьезны и никогда не улыбались, и даже в водевилях с пением играли без малейшей веселости, с деловым видом, точно занимались бухгалтерией“.

(Чехов „Моя жизнь“.)

Они очень веселы и беззаботны, всегда улыбаются и даже бухгалтерией занимаются без малейшей серьезности, с беспечным видом, точно играют водевиль с пением.

— Почему не ремонтируете крышу? Она так прогнила, что кошки проваливаются.

— Еще не хватало, чтобы я заботился о кошках!

✓ На карнавале

ПОДХОДЯ к кабинету своего начальника, Семен Маркович услышал доносившийся оттуда голос:

— Обязательно буду завтра на карнавале, чорт возьми! В самом деле, почему не развлечься? А? Алло, не слышу... Да, да, я говорю: развлекусь немного, а то устал. Работы пропасть, отдел ликвидируем, да и вообще... Как ты думаешь, кем мне одеться, а? Тореадором? Что ж, это неплохо. Тореадор так тореадор... Шпагу достану! Хорошо, хорошо... Семен Маркович слушал, затаив дыхание.

«Наконец-то представляется случай заметить эту проклятую историю с поздравлением», — подумал он.

А история с поздравлением заключалась в следующем. Третьего дня Семен Маркович вошел к начальнику в кабинет с опломбированным букетом алых роз.

— Уважаемый Геннадий Ильич! — сказал Семен Маркович возмущенным голосом. — Разрешите от имени искренно преданных вам сослуживцев поздравить вас со светлым днем ваших именин. Пусть же ваша жизнь будет такой же прекрасной, как эти розы. Дорогой Геннадий Ильич...

— Виноват, — перебил начальник и строго нахмурил брови. — Я, разумеется, тронут... Но, во-первых, я сегодня не именинник: я Геннадий зимний, а не летний...

«Теперь-то я ликвидирую эту историю», — еще раз подумал Семен Маркович и на цыпочках отошел от двери.

Слушались сумерки. Перед красивым четырехэтажным домом, стараясь быть незамеченным, прохаживался невысокий лысый человек. Он нетерпеливо поглядывал на окна дома.

— Вы что тут бродите? — раздалось у него под ухом. — Вам что нужно?

— Ничего, — ответил Семен Маркович и отошел в сторону.

— Ничего, ничего, а когда обчистят квартиру, то начнутся разговоры: куда дворник, дескать, смотрел. А я так скажу: я дворник, а не сторож, и это меня не касается, если на то пошло.

Наконец из дома вышел начальник. Подмышкой он нес сверток и какой-то, похожий на палку предмет.

«Шпага», — догадался Семен Маркович и двинулся за начальником, держась на таком расстоянии, чтобы не быть им замеченным, но и не терять его из виду.

Они подошли к парку и купили билеты.

— Если переодеться, — налево, — сказал им капельдинер.

Они пошли налево... Был момент, когда Семен Маркович едва не потерял начальника. Его лысина уже стала покрываться холодным потом отчаяния, как вдруг он увидел проходя-

щего мимо начальника в маске и костюме тореадора.

Он вытащил из кармана маску, сделанную им накануне, надел ее, завязал на затылке ботиночными тесемками и двинулся за тореадором.

Карнавал был в разгаре. Играла музыка, разодетые люди пели, танцевали, шутили, смеялись. На них дождем сыпалось конфетти, змеями опутывал серпантин. В черном небе причудливыми огненными зигзагами рвались фейерверки.

Какая-то девушка в черной полумаске обсыпала лысину Семена Марковича конфетти и кокетливо сказала:

— Маска, я вас знаю!

Но Семен Маркович не обратил на это никакого внимания. Он боком подошел к тореадору:

— Кхм... Не правда ли, весело?

Маска молчала.

— Я, знаете, тоже решил немного развлечься, а то устал. Масса работы, ликвидируем отдел, ну и вообще...

Тореадор ничего не ответил и сделал попытку уйти, но Семен Маркович взял его под руку:

— Простите за фамильярность, но ведь это карнавал. Да, я говорю: работаю, не щадя ни сил, ни здоровья. Да ведь как же иначе? Как не стараться, когда ты ежедневно, ежечасно чувствуешь заботливое и чуткое отношение к тебе начальства? Да, прекрасный человек мой начальник! Случаем не знаете? Геннадий Ильич Подрывайло? Чудный человек! Заамчательный человек! Отзывчивый, добрый, великодушный, щедрый, честный, мужественный... Эх, да что тут и толковать, такого теперь не часто можно встретить.

— Мда... — неопределенно пожал плечами тореадор.

— И тем более обидно, когда не угодилшь ему. У меня недавно такое вышло... Пошел я, значит, поздравлять его, думал, именинник, а он-то, оказывается, Геннадий зимний, а не летний. Обидно, очень обидно. А ведь я, можно сказать, от чистого сердца. Люблю я его. Да...

— Вот что, — сказал нежным дискантом тореадор, играя шпагой, — я не знаю, зачем вы мне все это говорите. Но я думаю так: вы желаете со мной познакомиться, но не знаете, с чего начать; это бывает... Ну да... На карнавале весьма возможно. Но меня удивляет, как вы сразу отгадали, что я женщина? А я думала, что меня все примут за мужчину... Ну, будем знакомы.

Семен Маркович от удивления икнул и бросился к выходу. По пути ему встречались Онегины, Кармен, Чаплины, Паты, Паташоны... Но больше всего было тореадоров — и почти все со шпагами. У самого выхода Семен Маркович сбил с ног какого-то зазевавшегося Ленского.

— Чорт знает что такое! — раздраженно воскликнул сбитый. — Прется, как медведь...

— А ты крепче на ногах держись. А то налимонился, и ноги уже не держат, — злобно огрызнулся Семен Маркович.

— А-а... Это вы, — всматриваясь в Семена Марковича, сказал вдруг Ленский. — Очень приятно, что и вы, Семен Маркович, любите бывать на карнавалах. Вот только совершенно напрасно сбиваете людей с ног. Это, по-моему, уже лишнее. А вы меня не узнаете? Да это же я... Не узнаете?

Когда Ленский снял маску, Семен Маркович упал в обморок.

ОЛЕГ СМЕРНОВ

Краснодар.

В две строчки

(Басни)

КСТАТИ, О СОЛОВЬЕ

Промолвил некто, соловья прослушав:
— Недурственно... Но это не «Катюша».

ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

Был дом. Исправный лифт был в доме том...
Свежо предание, а верится с трудом.

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала,
Но нужных стекол не достала.

В. ГРАНОВ.

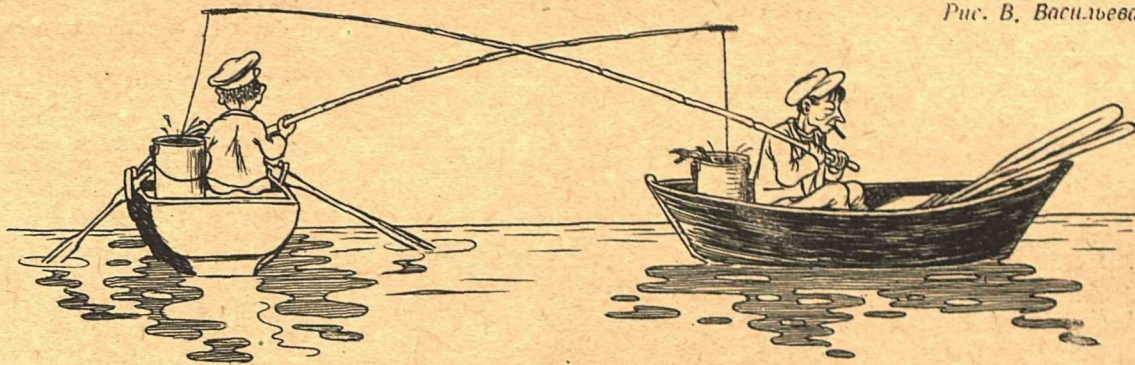

Рис. В. Васильева.

Клюет!..

Вершина славы (Фантастическая повесть)

Глава первая, В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ДОСТО- ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ КАЧЕСТВАХ ГЕРОЯ

Ему безумно хотелось быть знаменитым поэтом. Все предвещало успех на литературном поприще: громкий голос, рост, шевелюра, грудь колесом, бицепсы. А главное: он умел говорить. Ах, как он говорил! По сравнению с ним Златоуст был косноязычным гимназистом. Он брал кусок тезиса и творил из него легенду. Когда он начинал говорить, скромное заседание низовой профсоюзной организации превращалось в заседание сената, сам он казался Цицероном, а его речь против секретаря кассы взаимопомощи была грознее любой из речей римского оратора.

— Далеко пойдет Обузин, — говорили о нем сослуживцы.

А куда? Ясное дело, к вершинам славы, туда, где гирлянды лавров осеняют величественных и умашенных благовониями олимпийцев.

Туда, где нежно позванивают лиры и блондинки-музы нашоштывают свои таинственные песни завернутым в тоги бардам...

Глава вторая, В КОТОРОЙ ОТКРЫВАЮТСЯ НЕКОТОРЫЕ ТАЙНЫ ВОЗВЫШЕННОГО ПОЭТИЧЕСКО- ГО РЕМЕСЛА И В КОТОРОЙ ГЕРОЙ ВСТУПАЕТ НА ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СЛАВЫ

В те времена как раз происходил призыв делопроизводителей в литературу. И Обузин понял, что приблизилось осуществление заветной мечты. Когда в учреждение явился агент по вербовке поэтической силы, Обузин произнес речь:

— В этот исторический миг я первый откликаюсь на призыв делопроизводителей в литературу! Иду! Иду! И пусть из недр нашего учреждения возникнет новый талант. Возьми, поэзия, меня — я твой отныне навсегда!

Обузин тут же был зачислен на краткосрочные курсы по подготовке литературных кадров.

На курсах изучались устав литературной организации, закон об авторском праве и порядок прохождения рукописей в издательстве. За день до выпуска курсантам были сообщены и некоторые общеупотребительные способы составления поэтических произведений. Больше всего Обузину понравился способ, известный под названием «четверка».

Он заключался в том, что в основу произведения полагалось число «четыре»: четыре ветра, четыре стороны, четыре сына, четыре брата, четыре битвы и т. д. Обузин сразу сообразил, что он в порядке. Вскоре он изготовил свою знаменитую — первую и единственную — поэму «Четыре деда». Поэма начиналась так: «Жили четыре деда, славных четыре брата». Далее рассказывалось о том, что собой представлял каждый дед в отдельности: «Первый дед был плотник, второй дед — охотник, третий — работник, четвертый — высотник». У каждого деда был сын:

«Один сын — сапожник, другой сын — твояжик, третий сын — художник, четвертый — основоположник». На каждого сына дули четыре ветра: «Один ветер дул с юга, другой дул с востока, с запада дул третий, с севера дул четвертый». Ветры принесли весть о четырех битвах: «Битва одна на востоке, битва другая на юге, на западе третья битва, на севере четвертая битва...»

Поэма, написанная по такой схеме, была закончена, одобрена и издана. Обузин стал поэтом. Его шевелюра стала еще пышнее, голос — еще громче, речи — еще длиннее. Фамилия Обузин была заменена настоящим псевдонимом: «Альберт Обузин». В результате длительной дрессировки даже соседи по квартире стали называть его Альбертом Кузьмичом. До вершины славы оставалось сделать еще несколько шагов.

Глава третья, В КОТОРОЙ ГЕРОЙ ДОБИРАЕТСЯ, НАКО- НЕЦ, ДО ВОЖДЕЛЕННОЙ ВЕРШИНЫ

В литературе к Альберту Обузину привыкли. Без него не обходилось ни одно собрание, ни один пленум, ни одно выступление. «Четыре деда» за десять лет были переизданы тридцать семь раз. Почти ежедневно Обузин выступал с чтением своих делов по радио и на литературных вечерах в библиотечном коллекторе, у пожарников, мельников и торфяников. Все эти выступления приносили изрядный доход.

Но главные завоевания были сделаны Обузиным непосредственно в литературной среде. Приглядевшись к литераторам, Альберт понял то, чего никто до него не постиг. Он заметил, что поэты преимущественно занимались тем, что писали стихи. Они, конечно, ходили на собрания, иной раз даже выступали с речами, но их интересы в общем и целом вертелись вокруг одного и того же: рифм, ритмов, тем, сюжетов. Между тем существовало солидное литературное учреждение, в котором как раз рифмами, ритмами, темами и сюжетами не занимались. Наоборот, внимание работников учреждения было поглощено «вопросами организации поэтов и писателей для творческой работы». Что это значит, никто не знал. Учреждение обладало большими средствами и пользовалось авторитетом. Но поэты, занятые наивными мечтами о рифмах, ритмах, темах и сюжетах, как-то мало увлекались жизнью своего литературного учреждения. Один Альберт Обузин царил в нем и вершил огромные литературные дела.

Когда надо было дать отпор зарвавшимся критикам, изредка печатавшим рецензии на выходившие в свет книжки, — отпор давал Альберт Обузин:

— Мы не можем допустить... Систематическая травля лучших представителей поэзии... Мы вырвем с корнем и положим конец...

Когда надо было выбрать кого-либо в секретари или в члены какой-нибудь комиссии, — всегда выбирали Альберта Обузина: поэты, занятые своими рифмами с благодарностью отдавали свои голоса Обузину: «Пус-

кай заседает, пускай произносит речи, а нам писать надо».

— Активный товарищ, — говорили о нем руководители литературного учреждения.

Когда была создана хозяйственно-лечебная организация «Литературный фундамент», председателем приемочной комиссии был назначен Альберт Обузин: он лучше всех умел разбираться в сметах, ведомостях и протоколах.

Альберт Обузин достиг вершины славы. На ней не росли ни лавры, ни оливы, не били кастаньские ключи поэтических вдохновений, не звучали пленительные напевы муз. Зато на вершине славы Альберт Обузин нашел множество ордеров: ордера «индивидуального пошива», ордера на получение дачи, машины, квартиры и еще много других чудесных ордеров.

Альберт Обузин был занят с утра до поздней ночи. Он ежедневно произносил от четырех до четырнадцати речей. Все реже и реже выступал он с чтением поэмы «Четыре деда». Ходили слухи, что Альберт Обузин собирается написать продолжение поэмы под названием «Четыре внука». Но от подтверждения этих слухов Альберт Обузин воздерживался, хотя и не опровергал их.

Глава четвертая и последняя, В КОТОРОЙ ГЕРОЙ НЕОЖИДАННО НИЗ- ВЕРГАЕТСЯ С ВЕРШИНЫ СЛАВЫ

Несчастье обрушилось внезапно. В один прекрасный день литературное учреждение, при помощи которого благоденствовал Альберт Обузин, рухнуло. Оно перестало быть тем, чем было. Многолетняя проработка «вопроса об организации писателей для творческой работы» пришла к своему естественному концу: выяснилось, наконец, что это значит. А означало это то, что вместо литературного учреждения с секретарями, ведомостями, сметами и хозяйством должно существовать объединение поэтов и писателей, думающих о рифмах, ритмах, темах и сюжетах, обсуждающих написанные произведения, — не говорящих о литературе, а делающих ее. А когда это выяснилось, стало ясно и то, что не надо никаких протоколов, не надо речей, что нужны стихи, поэмы, рассказы и романы, и при том хорошие.

Все это было так ново и удивительно, непривычно и странно, что Альберт Обузин долго не мог сообразить, как ему быть. Он спохватился, хотел написать поэму «Четыре внука», но когда он написал первую из четырех частей и прочел на собрании поэтов, над ним посмеялись и сказали, что испытанный способ «четверки» устарел.

Обузин попросил слово и хотел произнести одну из своих наиболее удачных речей, но его не стали слушать.

— Знаем, знаем! Давай стихи, — сказали ему. А стихов не было. И не могло быть.

Звезда Альберта Обузина окончательно закатилась.

Он покинул вершину славы и стал писать мемуары под названием «Четыре года на вершине». Мемуары изданы не были.

НЕСТОР НЕТОПИСЕЦ

— Эта стройна ведется скоростным методом?
— О, да! Здесь за две недели успели израсходовать годовую смету.

«Специалист»

Поправляя галстук тонкий,
Цвета свеклы и айвы,
Он пластинкой патефонной
Пел: «Не еду из Москвы!
Не куда-то — чорту в зубы
Я себя в мечтах завлек.
Нет! Я буду тверже дуба!
Нет! В Моздок я не ездук!»

Школе, техникуму, вузу
Я в копеечку влетел
И подвергнуться конфузу
Ни за что бы не хотел!
Кадров верная растрата!
Я учен, умен, глубок...
Мне ль «в деревню, в глушь,
в Саратов»!
Нет! В Моздок я не ездук!

Нет серьезных операций
Для хирурга там, в глуши,
Станут мохом покрываться
Все сокровища души.
Мне бы поприще пошире...
Бросить хоть на краткий срок
Мой уют в моей квартире?!
Нет, в Моздок я не ездук!»

И, диплом засунув в угол,
Стал ловчить ученый муж.
Ведь страшнее всяких пугал
Им придуманная «глушь».
И залез хирург довольный
В очень теплый уголок.
Оператор он мозольный...
И... в Моздок он не ездук!

Р. РОМАН

Мимоходом

Вообще говоря, подслушивать очень нехорошо. Но слушать благородно, жить, так сказать, с открытыми ушами совершенно необходимо.

Иногда случайно услышанная фраза просто забавна сама по себе, иногда за ней угадывается какой-то характер или даже явление.

То, что приводится ниже, — не фельетон, не рассказ, даже не листки из блокнота, это, скорее всего, фонограмма, бытовая звукозапись. Вполне естественно, что эта фонограмма велась в совершенно определенном, крокодильском направлении.

Говорят дети.

1. Совсем маленькие, чуковского возраста.

Звонкий крик на дворе:

— Ребята, наша кошка отелится!

Тихий домашний вопрос:

— Мапочка, что такое бытовое разложение?

2. Ребята постарше. Уже школьники.

Идет урок географии. Мальчик отвечает бойко и уверенно:

— В Турции произрастают фиги. Из этих фиг турки делают изюм...

3. Дети такие, что их уже даже неудобно называть детьми.

Солнечный весенний день в тихом арбатском переулке. Две очаровательные девушки в изящных светлых платьях замерли у под'езда. Третья девушка отошла на несколько шагов с фотоаппаратом, чтобы запечатлеть эту прелестную группу, которая кажется воплощением расцветающей, еще немного застенчивой юности. Не поворачивая головы и не теряя мягкой улыбки, девушка у под'езда шепчет подруге:

— Дура, псих, не ляпись на аппарат!..

Парикмахер разговаривал афоризмами:

— С перхотью надо бороться, — говорил он. — Если вы с ней не боретесь, так она борется с вами...

На озере Селигер экскурсовод поучал туристов:

— Здесь жил и работал художник Шишкин, известный автор конфет «Мишка косопалый».

Разговор у букиниста:

— Что-нибудь новое из старого у вас есть?

Идет ночью по пустой улице пьяный дяденька и вполголоса бахвалится:

— Я в любой ресторан могу. Хочешь — в «Метрополь», хочешь — куда хочешь...

Докладчик начал так:

— Давайте на данный период снимем головные уборы и посидим тихо.

А кончил он так:

— Все достижения и все состояния очень нам видны. И мы должны завтра же засучить рукава и драться. Однако много драться не приходится, надо только приложить то, что полагается...

Преждевременно уставший литератор любит манерно жаловаться на трудности ремесла:

— Ах, если бы вы знали, как мне противно писать, — сказал он однажды!

— А нам-то читать! — ответили ему.

Выдался холодный день. Резкий, пронизывающий ветер. Воротники подняты, шляпы надвинуты. На площади простуженно хрипит продавщица «эскимо».

— Сливочное «эскимо», пломбир, мороженое! — взывает она.

Все проходят мимо.

И вот неудачница перестраивается на ходу:

— Горячее мороженое! — кричит она задорно. — Совершенно горячее! А вот, а вот, кому горячего?

И что вы думаете, кто-то купил «эскимо».

Как известно, в пьесе Пристли «Опасный поворот» первый эпизод целиком повторяется в конце, заключая вещь.

Разговор после спектакля:

— Ничего, интересно. Только зачем начало снова показывают?

— А это, наверно, для тех, кто опоздал...

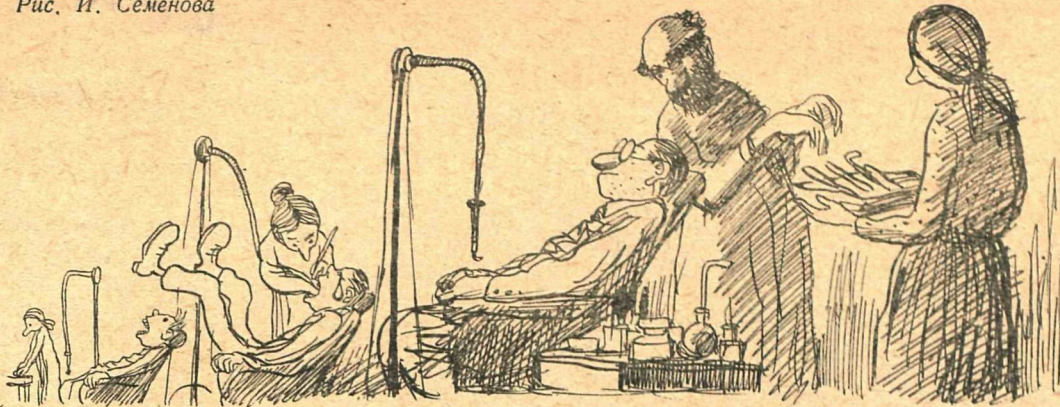
Подмосковная школа. Урок истории. Учительница говорит:

— Хазары перекачивали с места на место и вырезали всех мужчин, исключая женщин...

Она же заявила:

— ...Степан Разин в Астрахани вел себя либерально и относился ко всему с холодком.

Подслушал
ОЛИВЕР СВИСТ

— На что жалуетесь?
— У нашего начальника зуб болит.
— Почему же он сам не пришел?
— Привык, чтобы за него все делали другие.

К вопросу о филантропах

Очень возможно, что в ту самую минуту, когда пишутся эти строки, какой-нибудь товарищ или «целый ряд» товарищей собирается в Большой Токмак, Запорожской области, для работы на местном заводе имени Кирова. Очень возможно, что этот наивный товарищ (или «целый ряд» наивных товарищей) сейчас упаковывает свои вещи, перевозит их на железнодорожную станцию, грузит в вагоны. И если наши предположения справедливы, то просто страшно становится от сознания, что люди, направляющиеся в Большой Токмак, затрачивают бездну напрасных трудов, усилий и волнений!

Впрочем, еще не поздно. Возьмите вещи обратно, в Большом Токмаке они вам не пригодятся. На Большом Токмакском заводе вы получите все, что требуется в домашнем обиходе. Не нужно прибегать к услугам железной дороги, не нужно обращаться в мебельные и прочие магазины.

Директор завода тов. Компанец, например, даже не знает, где в Большом Токмаке эти магазины находятся. Написал записку в заводской жилотдел и спокойно направился в свой служебный кабинет. А вечером, по щучьему велению жилотдела, для тов. Компанеца был «готов и стол и дом». Да не один стол, а целых пять: письменный, раздвижной, туалетный, бильярдный и даже стол для цветов.

Нужно отдать справедливость руководителям жилотдела, они знают толк в уюте. Как известно, одни лишь цветы еще не делают погоды. Поэтому жилотдел украсил директорскую квартиру красочным ковром, шторами, мягкой софой, тройным шифоньером, занавесками, трюмо и даже креслом-качалкой. Прочие мелочи, как то: буфет, книжный шкаф, стулья, тумбочки, кровать, часы и прочие вещички, — без бюрократических проволочек доставленные тем же жилотделом, создали тов. директору самые благоприятные условия для его скромной жизни.

Было бы непростительной ошибкой, если бы мы на этом поставили точку. Ибо упомянутый жилотдел распространяет свои заботы, помимо директора, на многих других ответственных работников завода. Приблизительно тот же мебельный ассортимент, что достался на долю тов. Компанеца, с незначительными вариациями размещен

в квартирах коммерческого директора завода тов. Лижниченко, начальника одного из цехов тов. Крушина, инженера Кузьменко, инспектора проверки исполнения тов. Карандашова и многих, многих других, в том числе и зам. начальника жилотдела тов. Микулина.

И ведь вот что обидно: люди пользуются большими благами, их за счет государства снабжают не только гарнитурами, но даже постельным бельем, и ни один из них не догадался через районную или хотя бы заводскую печать выра-

зить свою благодарность. А когда местная газета «Большевикский шляхом» популярно рассказала о филантропах из жилотдела, начальство обиделось.

Учтя это, редактор газеты «Догнать и перегнать» (Московский автозавод имени Сталина) тов. Адфельдт нашел способ, гарантирующий его от какой бы то ни было обиды со стороны заводского руководства. Да, завод из государственной кассы щедро извлекает десятки тысяч рублей на ремонт квартир своих ответственных работников. Да, это осуждено пар-

тий. Но если об этих махинациях написать в газете, очень может произойти такая же история, как в Большом Токмаке: у начальства будет испорчено настроение и, чего доброго, кто-нибудь из руководителей завода обидится на тов. Адфельдта. И тов. Адфельдт придумывает гениальный трюк: о разбазаривании государственных средств на ремонт начальственных квартир он вовсе не высказывается в редактируемой им газете «Догнать и перегнать».

Вот и пришлось нам восполнить этот досадный пробел.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Исполнительный комитет Ульяновского райсовета (Хабаровского края) извещил своих избирателей, что прием жалоб будет производиться только два раза в месяц, 10 и 20-го числа, с 2 до 4 часов дня.

Не слишком ли щедро растрчивает тов. Новиков, председатель райсовета, свое драгоценное время? Не достаточно ли принимать жалобы только один раз в месяц, 29 февраля (високосный год), притом с 2 до 2 час. 15 мин.?

А. ФИЛАРЕТОВ

Село Марининск на Амуре, Хабаровского края.

Дорогой Крокодил!

Тороплюсь сообщить, что Алтайский краевой финансовый отдел невзирая на чрезвычайную загруженность текущей работой все же нашел время заняться еще одним интересным делом — реорганизацией территориального деления Советского Союза.

И если до сих пор алтайским финработникам не удавалось широко прославиться в финансовой деятельности, то в новой, так сказать, географической деятельности слава о них докатится до самых отдаленных областей Союза. Даже до Запорожской области, которую эти финработники географы одним росчерком пера

отменили, написав в своем письме Красноозерскому райфинотделу:

«В вашем отношении указывается Запорожская область... Такой области нет».

Подписали: начальник бюджетного отдела Степаненко и инспектор Пономарев.

Колумбу жилось труднее: ему приходилось земли открывать!

И. ГАЛКИН

Город Красноозерск, Алтайского края.

Дорогой Крокодил!

Если ты вздумаешь отремонтировать свои сапоги, ни за что не отдавай их в Химках, в мастерскую, именуемую «Химкинское отделение Красногорской обувной артели».

Здесь тебя ожидают следующие ремонтные операции:

1) дядя с черными усами потребует на пол-литра;

2) возьмет твои сапоги плюс вторую пару голенищ, которые похуже и которые ты специально купил, чтобы выкроили из них головки;

3) возьмет с тебя вперед 67 рублей за работу;

4) ты будешь приходить за сапогами десять раз и больше (зависит от твоего желания);

5) наконец, ты получишь сапоги, но не твои, прежние, а сделанные так: а) вторая пара голенищ, которые похуже, и б) к ним прилажены головки все-таки из свиной

кожи, одобренной каким-то старьем;

6) ты попробуешь натянуть эту дрянь на ноги, но она не полезет, потому что из особого расположения к заказчику сделана «на короткую ногу»;

7) тебе останется уйти домой, неся сапоги в руках.

А между тем твои основные сапоги, сданные в ремонт, преспокойно останутся в мастерской и принесут ей выгоду рублей в триста.

Г. СОКОЛОВСКИЙ

Дорогой Крокодил!

Каждый школьник, безусловно, знает, как нужно писать слова «значОк», «ключОм» и т. п. А вот, например, дяди из Комитета по делам физкультуры почему-то пишут на своем плакате «Сдавайте нормы на значЕк ГТО». Или дяди из Главконсерва тоже хороши. Пишут на банках с консервами: «Открывать ключЕм как здесь указано». Сразу две ошибки в короткой фразе: «ключЕм» и нет запятой перед придаточным предложением.

Теперь каникулы. Мы, школьники, свободны. И в порядке обмена опытом мы готовы помочь этим дядям и другим.

А то, действительно, делается как-то неловко: взрослые люди, а пишут хуже маленьких.

ФЕЛИКС ЛИТВИН,

ученик 6-го класса «Б» 54-й школы. Москва.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
27.06.1940
Всес. Учен. Советом Получены

— Он должен жить: он мне столько должен!

Получ.	28/5		
в ред.			
Сдел.	28/5	29/5	